

Буклемишев. Коллеги и гости! Мы начинаем наш очередной, 93-й уже, диспут. Сегодня у нас, мне кажется, очень интересная тема, и один из сопредседателей, Андрей Александрович Яковлев, который возглавляет Институт анализа предприятий и рынков НИУ Вышки, и Владимир Владимирович Дребенцов, главный экономист группы компаний ВР по России и СНГ, сегодня обсуждают – «Новая волна дерегулирования: реальные реформы или имитация изменений?»

Я вкратце напомню регламент: у нас по 20 минут сначала выступают каждый из диспутантов, сначала Андрей Александрович - насколько я понимаю, они договорились, потом Владимир Владимирович. После чего после окончания каждой презентации оппонент задает два вопроса, на которые получает короткий, но исчерпывающий ответ, и мы переходим к сессии вопросов и ответов, и в конце концов остающееся до двухчасового регламента время, как обычно, выделяется на выступления из зала, на реплики, которых сегодня, я уверен, будет довольно много. Поэтому рассчитывать на то, что эти реплики будут длинными, наверно, не приходится. Сразу вас об этом предупреждаю. И в конце мы, естественно, дадим возможность коллегам подвести итог диспута и объявим, когда состоится следующий.

Итак, Андрей Александрович, the floor is yours!

Яковлев. Спасибо. Добрый вечер, уважаемые коллеги! Спасибо за участие, особенно на фоне Гайдаровского форума, где настоящее столпотворение происходит. Собственно, как раз мы с Владимиром Владимировичем оба там только что были.

Переходя к теме. Я попытался просто ответить на вопросы, которые обозначены в рассылке по диспуту, и у меня дальше будет на каждый вопрос по одному слайду. Ну и, чтобы не тратить время, первый вопрос - почему власть за последние три года снова заговорила о дерегулировании и улучшении делового климата.

Если отвечать коротко, то просто жизнь заставляет. То есть в середине 2000-х, а точнее до кризиса 2008-2009 гг., когда всех построили, и большой бизнес, и губернаторов, и начался нефтяной бум, посыпались нефтедоллары с неба, – возникло ощущение эйфории. Вертикаль выстроили, денег сколько надо и всё теперь можем. И даже та же коррупция воспринималась в логике «живи сам и давай жить другим»: ну, своруют там что-то и ладно, бог с ним, от нас не убудет. При этом, в моем понимании, на самом деле пытались что-то сделать. То есть была некая идея, была некая модель, и пытались что-то построить. Что получилось – другой вопрос, но попытка была.

Кризис 2008-2009 гг. показал, что та модель, которую строили в начале и середине 2000-х гг., (в моем понимании, это была такая условная модель «российского госкапитализма с корейским лицом» - с опорой на опыт Южной Кореи 1960-70х годов), – вот не работает такая модель сегодня, спустя 50 лет, в такой большой и неоднородной стране, как Россия, и в современном глобальном и динамичном мире.

Началось обсуждение и начались некие попытки диалога с ключевыми участниками экономических процессов. И в этом смысле возможны аналогии с периодом 1998-1999 гг., когда тоже тот кризис произвел эффект холодного душа, и после него начался определенный поиск прагматических решений по выходу из кризиса. При этом базовыми стимулами были: исчерпание источников ренты, необходимость обратной связи с ключевыми агентами и потребность в прагматической политике и поддержании роста.

Если брать наполнение всех этих сюжетов в этот период времени, это либерализация Уголовного кодекса, запуск процедуры оценки регулирующего воздействия (ОРВ), появление такой специфической структуры – Центра «Бизнес против коррупции», созданного под эгидой «Деловой России» с прямой санкции правительства для уменьшения и предотвращения силового давления на бизнес. Также создание АСИ, «Открытого правительства», работа по пересмотру «Стратегии-2020», чуть позднее – введение позиции уполномоченного по защите прав предпринимателей в администрации президента, проведение амнистии для предпринимателей и т.д. Общая характеристика всего этого периода – в целом это было выстраивание содержательного диалога с

бизнесом. И в этом смысле возможны аналогии с началом 2000-х, когда тоже был такой диалог. Но тогда главным контрагентом на стороне бизнеса был РСПП. В частности было создано Бюро правления РСПП, в которое специально пригласили всех олигархов и с которым регулярно раз в полгода встречался Путин. Начало этих встреч проходило под телекамеры, потом была основная, уже закрытая часть, и это была действительно важная площадка для обмена информацией и планами и намерениями между властью и бизнесом. Сейчас в качестве такого агента со стороны бизнеса скорее выступала «Деловая Россия», но в целом процесс был. Это правда.

Тем не менее, в чем была проблема, на мой взгляд, этого периода? В противоречивости сигналов. То есть уже в период 2009-2010 гг., когда этот процесс только начался, власть не все была готова обсуждать. Стратегия-2020 – хороший пример этого: когда вопросы судебной системы и правоохранительных органов были вынесены «за скобки», поскольку это, мол, компетенция администрации президента, а мы тут в правительстве занимаемся социально-экономическими вопросами. И еще больше эта противоречивость стала понятна после 2011 года, в частности после «арабской весны» и наших декабрьских протестов. Когда власть испугалась. И, с одной стороны, стала закручивать политические гайки, что неизбежно отражалось в какой-то степени на бизнесе и на восприятии инвестиционного климата (наглядный пример – «дело экспертов» и эмиграция Сергея Гуриева). А с другой стороны, возник любопытный эффект, связанный с осознанием необходимости борьбы с коррупцией. С которой начали бороться в классическом административном режиме, контролируя все бизнес-процессы в госаппарате. Но за 2000-е гг. у нас сложилась система чрезмерного и избыточного госрегулирования, в которой на самом деле что-либо делать, не нарушая каких-то регламентов, было практически невозможно. И вот это закручивание гаек по антикоррупционной линии на самом деле стало приводить к эффекту «итальянской забастовки»: когда все делается по правилам и система просто встает. Это краткая версия ответа на первый вопрос.

Кому нужна политика дерегулирования? В моем понимании, она нужна прежде всего успешному среднему бизнесу, который возник и сложился как довольно заметная социальная группа в 2000-е гг., на всей этой волне роста внутреннего рынка и определенных возможностей на внешних рынках. И в этом смысле характерна активность «Деловой России», которая как раз представляют именно эти компании. В чем специфика таких компаний? Ну, грубо говоря, у них нет таких политических связей, как у олигархов. Да, они, так сказать, уже не бедные, у них уже есть деньги. При этом они реализовать себя могут именно в России, они знают российский рынок, они понимают его, они могут на нем работать; на зарубежных рынках у них шансы гораздо меньше. И именно они в этой изменившейся ситуации, с изменившимися тенденциями на стороне спроса, заметно теряли. То есть им было что терять, и у них одновременно у них были стимулы к тому, чтобы попытаться изменить среду. Но сделать это они могли только вместе – в рамках определенных коллективных действий.

Другая группа – это продвинутые регионы. Специфика системы управления, сложившейся в 2000-е гг., в том, что при всех попытках унификации и сверхцентрализации, которые происходили, всё равно страна очень большая и очень разная. И вопреки стимулам, которые были заложены в системе (потому что система работала на стабилизацию, на поддержание стабильности, она не работала на развитие в своей основе), тем не менее в силу этого разнообразия и неоднородности страны возникали исключения. Та же Калуга или Ульяновск еще до кризиса 2008-2009 годов, в последние годы выделяются также Тюмень и Воронеж. Таких регионов не так много, может, семь-восемь, но тем не менее они есть. И характерно, что именно они стали более заметны, в том числе в таком пиаровском смысле, на волне всех разговоров про улучшение делового климата, про АСИ и всё остальное. И эти регионы пытаются использовать этот поворот в политике как некий шанс для себя. Не только для

имиджевого продвижения и привлечения инвестиций, но и для получения ресурсов от государства. Под ту политику, которую они проводили.

Есть третья группа, на самом деле, не очень большая. Это ведомства, отвечающие за реформы, прежде всего Минэкономразвития или, скажем, Минвостокразвития. Они пытаются использовать новую повестку в бюрократическом смысле сами для себя, для расширения своих компетенций, своих полномочий, своих ресурсов. Но тем не менее это можно использовать, так сказать, «в мирных целях». В целях развития.

Ну и, наконец, есть активные группы в обществе, тоже в значительной степени укрепившиеся в 2000-е гг., которые потенциально могут выиграть от этой политики. Но, в моем понимании, они скорее потенциальные бенефициары, нежели реальные участники этого процесса.

Кто оппоненты? Тут я начну с отсылки на выступление Альфреда Жалинского, к сожалению, уже покойного, это очень известный юрист, специалист по уголовному праву, – на круглом столе про уголовный закон для бизнеса в Высшей школе экономики летом 2010 г., то есть уже довольно давно. Как раз тогда только начиналась вся эта история про либерализацию уголовного законодательства. Жалинский сказал там интересную вещь – с точки зрения прямых материальных интересов все представители действующего юридического сообщества, включая не только судей, следователей, прокуроров и полицейских, но также адвокатов и даже, извините, преподавателей вузов, в общем, получали те или иные выгоды от ситуации давления на бизнес. Потому что у них у всех возникал «кусочек хлеба».

К чему я это говорю? К тому что эта ситуация сложившихся правил игры, явно неадекватных и неэффективных с точки зрения экономического развития, безусловно, держится на том, что есть группы, которые от этого выигрывают. И это проявляется в том числе в текущей политике. Например, если брать публичное пространство, тот же Следственный комитет, МВД в меньшей степени, Госнаркоконтроль тоже, в общем, проявляет активность, – они прямо выступают на счет того, что вся эта либерализация уголовного законодательства – это вредная и опасная вещь, потому что мы тем самым мошенников и преступников отпускаем на свободу. И есть вполне явное давление и лоббирование их интересов. Конкретное проявление – возврат Следственному комитету полномочий по возбуждению уголовных дел по налоговым составам без согласования с налоговиками. Это все публичные действия. Помимо этого, есть явно присутствующие, но не очень заметные в публичном пространстве непубличные действия, связанные с тем, что есть группы в госаппарате, «сидящие на потоках» и очень заинтересованные в том, чтобы всё это сохранялось и продолжалось. Также есть бизнес, который, в общем, и «силовые методы» вполне в своих интересах использовал, и какие-то варианты аффилированности с той или иной властью (федеральной или региональной) тоже вполне себе использует.

То есть интересы всегда движут процессом. И нынешняя система держится на этих интересах. Но и в ней есть своего рода исключения. Например, любопытный кейс связан с налоговой службой. ФНС, с одной стороны, это более чем влиятельное ведомство, имеющее вполне себе силовой ресурс, большой аппарат. Но в отличие от большинства других ведомств у них есть простой и понятный (в том числе для широкой публики) индикатор эффективности их собственной деятельности. Это объем собранных налогов. Причем они не могут их напечатать: эти налоги надо собрать с реального бизнеса. И бизнес в этой ситуации должен быть способен их заплатить.

И в результате это ведомство оказывается вынуждено искать баланс между проверками и созданием более-менее адекватных условий для деятельности фирм-налогоплательщиков. Мы этот момент уже давно улавливаем на опросах промышленных предприятий – в части улучшения оценок налогового администрирования. И характерно, что ФНС, в общем, не поддерживала инициативы СКР по поводу уголовных дел. Просто потому, что они на собственной практике понимали, что человек, сидящий в тюрьме,

скорее всего, больше налогов платить не будет. А у них задача – собрать больше налогов. И поэтому у них стимулы к поиску оптимума. То есть они, с одной стороны, давят, безусловно, но одновременно они стараются, так сказать, не зарезать курочку, которая приносит яички. Там золотые, не золотые – это уже другой вопрос.

Любопытно, что эта логика не работает с таможней. Потому что у таможни есть очень сильная концентрация собираемых ресурсов на небольшом количестве игроков. ФНС же налоги собирать приходится с большого числа игроков на больших территориях.

Хорошо, теперь последний сюжет – по поводу стимулов к инвестициям, и возможны ли эти стимулы без изменения общей модели управления экономикой и обществом.

Ну вот для моих, я бы сказал, более либеральных коллег, к которым в том числе относится, насколько я понимаю, Владимир Владимирович, характерно противопоставление демократической модернизации и авторитарной модернизации. Я, может быть, утрирую, но Владимир Владимирович отреагирует. Общий пафос тут сводится к тому, что все эти усилия, чего-то там улучшить, там подкрутить, усовершенствовать – это всё от лукавого. Вот надо, извините, менять систему. Нужна демократия, политическая конкуренция и всё остальное, и только тогда могут заработать правильные стимулы.

Вот, на мой взгляд, такая логика игнорирует реальность. Потому что если мы сейчас, сегодня проведем честные выборы – ну, я думаю, что все понимают, кто реально победит. Там победит, извините, даже не КППРФ с Жириновским, а товарищ Удальцов, например. А может быть, уже даже и не Удальцов, а Стрелков. И вот что после этого будет, какая у нас будет демократия с рынком – я думаю, что, в общем, можно себе представить.

Мое личное убеждение сводится к тому, что у нас выбор не между вот этими двумя опциями: либеральная демократия против авторитарной модернизации, а выбор на самом деле между авторитарной модернизацией и сценарием сползания в хаос. К которому мы на самом деле очень активно движемся. Собственно, об этом здесь на диспуте АНЦЭА, по-моему, два месяца назад уже говорил один из коллег, полагавший в нашем «движении в прошлое» мы уже проскочили 1998 год и скатываемся к началу 1990х.

В этой связи, на мой взгляд, вопрос не в смене модели, а в выработке нового образа будущего. Что произошло реально в 2008 году? Выяснилось, что тот образ будущего, который путинская элита предложила обществу взамен модели либеральной демократии, которая не сработала в 90-е, вот этот образ будущего в виде такого «российского госкапитализма с южнокорейским лицом», он не сработал. И была попытка поиска другого образа будущего – которая остановилась на событиях 2011 года. Когда власть испугалась. И проблема сейчас в том, что высшая политическая элита, не видя себя в будущем, боится сформулировать для страны какой-либо иной внятный образ будущего. Это отсутствие образа будущего, разделяемого элитами и основными социальными группами, на мой взгляд, является главной проблемой для развития.

На сегодняшний день эти группы, основные участники процесса, на самом деле, те же самые, кто был в начале 2000-х гг.: это федеральная бюрократия, силовики и олигархи. После дела ЮКОСа у них изменились весовые категории, но в конечном счете они остаются в той же самой конфигурации. И если не будет расширения доступа к участию в выработке решений для новых участников – включая успешный средний бизнес, включая регионы и включая бюджетный сектор, точнее руководителей крупных бюджетных организаций, – вот без этого, на мой взгляд, не будет выработки прагматических решений, которые позволяли бы стране в целом дальше развиваться.

И, к сожалению, мой текущий скепсис связан с тем, что не похоже, что нынешняя политическая элита способна пойти на такого рода серьезный анализ и изменение политики – и, как следствие этого, на самоограничение для самой себя. Здесь есть довольно серьезное отличие от 1998-1999 гг., когда элита была примерно та же самая, но

тогда сама ситуация гораздо большей свободы привела к тому, что они смогли начать диалог между собой и до чего-то договориться. А сейчас, как мне кажется, у нас получается своего рода синдром 1968 года, когда элита испугалась, начала зачищать пространство вокруг себя – и остановилась. Советскому Союзу тогда отчасти помог эффект нефтяного шока начала 70-х – было, так сказать, некое продление существования, а мы сегодня попали в противофазу, у нас наоборот сейчас все это сыпется и рушится.

Возвращаясь к исходному вопросу в заглавии диспута. На мой взгляд, вторая волна дерегулирования не является чистой имитацией. Есть люди, в том числе в элите верхнего уровня, которые действительно пытаются что-то в этом смысле сделать и, может, даже верят в то, что делают. Но проблема в том, что сама политика дерегулирования может дать какие-либо эффекты только как часть осознанной стратегии. Это может быть стратегия либеральная, консервативная, авторитарная, какая угодно, но стратегия. Это не может быть частью того «политического винегрета», который мы наблюдаем сейчас.

А вот в сегодняшних условиях отсутствия стратегии и, по сути дела, раздвоения сознания, когда власть одновременно пытается реализовывать совершенно несовместимые вещи, - в этих условиях меры по дерегулированию по факту, к сожалению, только усиливают общую неопределенность. Я, наверно, на этом остановлюсь. Спасибо.

Буклемишев. Спасибо, Андрей Александрович. Владимир Владимирович, два вопроса. Два вопроса Ваших сначала.

Дребенцов. Вопрос первый. Андрей, как Вы относитесь к стремительному продвижению России в рейтинге «Doing Business»? С тех пор, как на Красноярском форуме была поставлена задача ста шагов, Россия со 122-го переместилась на 62-е место. Это реальное изменение или имитация?

А второй вопрос – считаете ли Вы, что экономический либерализм неизбежно совпадает с демократией политической?

Яковлев. Хорошо, по поводу Doing Business. Так сложилось, что я сам был руководителем российской команды экспертов, которая участвовала в российском проекте Doing Business в 2011 году, с обследованием в 30 регионах и т.д. И у меня какие-либо иллюзии по поводу этого инструмента исчезли уже в 2011 году. То есть это на самом деле не вредная вещь в плане запуска бенчмаркинга, но когда по этому инструменту начинают кого-либо реально оценивать – это толкает людей к манипулированию. И то, что происходит у нас сейчас с этим улучшением позиций в рейтинге Doing Business – в общем, это некая фикция. То есть, опять-таки, на уровне технических параметров, на уровне доступа к инфраструктуре что-то улучшается. Но это ни в коей мере не отражает реального улучшения или ухудшения делового климата, просто потому, что Doing Business, как он построен технически, это хорошо если 5% от того реального бизнес-климата, с которым сталкивается реальный бизнес.

По второму пункту, экономический либерализм и демократия. Нет, они, конечно, не совпадают. Вполне возможна весьма либеральная политика в условиях авторитарного режима, и я в этом смысле не случайно говорил об авторитарной модернизации. Шанс на которую у нас пока еще есть. Но, к сожалению, на фоне этого раздвоения сознания, этой «шизофрении» в политике он стремительно убывает.

Дребенцов. Пока запускают презентацию, я извинюсь за свое опоздание, и мне кажется, что оно имеет отношение к теме нашей сегодняшней дискуссии. Дело в том, что я опоздал, потому что рядом со старым корпусом экономического факультета появился шлагбаум, и я, который в течение десятилетий спокойно заезжал на территорию альма-матер, сюда не попал, а был отправлен в резервацию за стадионом. Реализован хорошо знакомый по кино подход: «Добро пожаловать, или вход только для своих». Вот такое проявление «либерализации», со стороны Московского университета - как и в российской экономике в целом. Либеральный подход был бы – организовать парковку (что, кстати, к чести мэра Москвы, и делается) и предложить мне заплатить деньги. Я вот приехал сюда с

Гайдаровского форума, так вот на территории Академии народного хозяйства такой подход реализован. Из чего я неизбежно должен сделать вывод, что Академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации оказалась гораздо более либеральным учреждением в сравнении с Московским государственным университетом. Почему бы это, интересно? Теперь, по поводу моего второго вопроса к Андрею. Владимир Владимировичи бывают разные, либеральные и не очень. Я причисляю себя к когорте либеральных, но как раз тех самых, которым ближе пример Чили, которая начинала либерализовывать и диверсифицировать экономику ещё до возвращения к политической демократии. Если кто когда-нибудь меня слышал, знают, что я просто безумно люблю на эту тему разговаривать. Это, на мой взгляд, пример экономической либерализации, который (я до сих пор не могу понять, почему) в России не может быть реализован, и что со стороны власти, что со стороны оппозиции предпринимаются прямо противоположные попытки. Со стороны власти я скажу, как мне кажется, почему, отвечая на вопросы диспута. Ну, а со стороны оппозиции, по-моему (хотя это может быть, мой экономический перекося), из-за идеализма. Много лет назад в Карнеги в публичной дискуссии меня по этой причине Явлинский даже в марксисты записал, потому что я говорил, что демократия приносит плоды, если она основывается на хорошем экономическом фундаменте. Его надо создавать, и совершенно необязательно, что политическая демократия будет иметь своим результатом экономически эффективное хозяйство, а именно это и является целью дерегулирования, так ведь? Вообще, почему мы говорим о том сценарии или о другом? Цель-то какая? Повысить эффективность экономики или что? Думаю, с точки зрения экономиста – да, повысить эффективность экономики.

Теперь –отвечая на вопросы, которые были сформулированы для дискуссии. Андрей сказал, что за последние три года власть заговорила о дерегулировании, потому что жизнь заставила. В корне не согласен. Ничего российскую жизнь за эти три года особенного, кроме Олимпиады, не ознаменовало. И для меня совершенно не очевидно, что то, что попытались сделать, в том числе программу «Сто шагов», было связано не с подготовкой Олимпиады, а с тем, что «жизнь заставила» вносить какие-то изменения в экономическую политику.

Мне продолжает казаться, что, пока цена на нефть была высокой, никаких особых шансов дерегулирования и вообще реформирования и развития институтов у российской экономики не было. Может быть, это утрирование, но я как человек, который с российским правительством работает последние двадцать лет, сначала во Всемирном банке, а теперь в своей нынешней должности, –видел, какие задавались вопросы, и как менялся взгляд по мере того, как цена на нефть двигалась туда или обратно. Ну, и неудивительно, просто действительность у нас такая.

Когда мы планировали эту дискуссию, ситуация была одна. Мне казалось, что шансов для дерегулирования крайне мало. Я был гораздо более скептичен относительно шансов новой волны дерегулирования. Мне казалось, что в конце ноября ОПЕК примет решение о сокращении добычи, цена останется высокой, и, в общем-то, ничего реально в российской экономике делать и не надо будет. Потому что – ну зачем? Мы об этом говорим многие десятилетия, и я не вижу, чтобы здесь что-то изменилось.

Такая модель не работает. 50% растущего государственного бюджета обеспечивались нефтегазовым сектором, прежде всего нефтяным; 70% ренты просто изымалось; российские компании, добывающие нефть, в одной из которых я работаю, – вообще особых изменений цен не видели. нефтяники последние десять лет, с 2005 года, как получали 30 долларов за баррель, так и получают. Вообще это –это отдельная тема. Но всё, что в России происходит с точки зрения нефтяной отрасли, напоминает Ирак. У которого вообще официальная политика – фиксированная маржа. Вот мы получаем там два доллара за баррель, и порядок. Ну и в России, с точки зрения либерализации одной конкретной отрасли, всё примерно так же.

Но вернемся к проблемам экономики в целом. Мне продолжает казаться, что судьба российского дерегулирования решается в Эр-Рияде, а не в Москве. Вот если в Эр-Рияде примут решение о сокращении добычи, то никакого шанса у российского дерегулирования в обозримом будущем опять не предвидится. Потому что, мне кажется – я начинаю отвечать на вопрос «нужна ли политика дерегулирования кому-то в государственном аппарате?» - что, в принципе, не нужна. Некоторым ее **хочется**, но **необходимости** в ней они с точки зрения своих служебных обязанностей, с точки зрения своей жизни, благ, которыми они пользуются, – не видят!

А что еще более интересно – это я говорил о том, что называется либеральным экономическим блоком политики. А с точки зрения людей, принимающих реальные решения в российской политике и экономике, дерегулирование себя скомпрометировало.

Рассуждая о принятии решений, оговариваясь, что, на мой взгляд, сейчас – что, в общем, всегда было, а сейчас еще более наглядно – в российской государственной, или там околосударственной элите существует совершенно два...извините, было два, а стало три... параллельных потока, слабо пересекающихся. Это, кстати, было видно и на Гайдаровском форуме. Есть люди, принимающие решения, которые в основном на форум не ходят. Есть либеральная экономическая часть правительства, которая обсуждает на форуме экономическую политику так, как будто они – такие же, как мы, эксперты, а не люди, принимающие решения (то есть они адекватно понимают свою роль в принятии решений). И, наконец, есть еще замечательная вещь – сами эксперты, которых наконец объединили, по крайней мере большую часть – сколько там, 400? - в экспертном совете Правительства РФ. И это третья параллельная линия, которая уж совсем не имеет отношения к принятию решений.

Я не могу сказать, что она совершенно бесполезна. На самом деле, Андрей не даст соврать, одна из групп ЭС в последние месяцы занимается вроде бы скучной, но, на мой взгляд, одной из немногих работ, которые создают хотя бы базу для будущего дерегулирования. Называется эта работа совершенствование проекта Федерального закона «О государственном и муниципальном контроле (надзоре) в Российской Федерации». Проект, в общем-то, совершенно справедливо начинается с описания того, что нет в России дерегулирования, а напротив, наблюдается избыточное административное бремя. В преамбуле перечислено, сколько проверок проводится, сколько каких правил нарушается, что считается нарушением реальным по сравнению с тем, какие нарушения приписываются российскому бизнесу, и т.п. Это действительно закон, который хотя бы пытается что-то из области регулирования снять, упорядочить. Но пока к реальной экономической политике это имеет очень отдаленное отношение.

Однако, если цена на нефть не повысится, есть шансы, что станет иметь отношение. Потому что тогда, соглашусь с Андреем, жизнь может заставить. Но что заставит, ещё непонятно. Как я сказал, дерегулирование себя, в глазах лиц, принимающих решения, скомпрометировало. Мне кажется, что они сформировали такую упрощенном картинку у себя в голове: мы же дали российской экономике шансы побыть либеральной в 90-е гг.? А частный бизнес всё запорол. Он всё попытался украсть, целей государственного развития решать не хотел, а потому, в общем-то, лучше его не освобождать, лучше его «попросить посидеть» на дорожку.

Именно поэтому мы и видим и вертикаль власти, в том числе экономической, и рост государственной собственности. Первый вице-премьер Шувалов использует оценку 50% и говорит, что хорошо бы к концу нынешнего политического цикла, к 2018 году, снизить ее до 25%. А МВФ, который посчитал по-своему, насчитал 71%-ю долю государства в российской экономике. То бишь, если и есть либерализация, то где-то там, «за стадионом, куда меня послали». И для меньше, чем трети экономических субъектов.

Именно поэтому мне кажется, что всё, что мы видели в последние годы, вряд ли можно назвать реальным изменением и реальным дерегулированием. Я позволю себе показать вам несколько слайдов, которые я давеча соорудил.

Первый слайд показывает пресловутый Doing Business. Россия прошла путь со 122-го по 62-е место. Но, давайте сравним десять индикаторов Doing Business. Если взять 26 стран переходного типа в нашем регионе (потому что трудно сравнивать с развитыми странами) то выясняется, что из десяти показателей по шести Россия всё ещё хуже, чем средние показатели по региону. В том числе красным обозначены те, по которым ну совсем плохо. Есть достижения в регистрации предприятий, в регистрации собственности. То, что связано частично с электронным правительством, частично действительно с ослаблением регулирования. Но насколько это важно для бизнеса? Строительные проблемы – вон они, защита миноритариев – вон она. Во внешней торговле - совсем швах. А, кстати, во многих странах, которые пошли путем диверсификации, экспорт был одной из движущих сил. Какой движущей силой может быть российский экспорт, если это одна из наиболее проблемных областей, даже согласно Doing Business? Который, как даже Андрей признает (а он работал по этому опросу), в общем-то, весьма натянутый инструмент.

И ещё один показатель. Бизнес климат должен быть более-менее однородным. Нельзя в экономике быть очень хорошим в избранных областях и очень плохим в шести остальных. И при этом надеяться, что у вас в экономике что-то изменится к лучшему.

На этом слайде я сравнил пять лучших стран и Россию по показателю, который можно назвать однородностью делового климата. Видно, что у лучших стран ситуация гораздо более равномерна. Цифры в последней колонке на графике – это разница между самой худшей и самой лучшей позицией страны. Так вот, в России разница в разы отличается от тех стран, которые являются чемпионами. Они, кстати, и в Doing Business в первой трети. Россия тоже попала по обобщенному показателю в первую треть, но по показателю однородности делового климата Россия осталась в последней трети. Для меня - это свидетельство того, что заметного улучшения российского делового климата не произошло. Это, кстати, подтверждается и другими опросами. В раздаточный материал я включил результаты опроса РСПП. Там что фиксируется? Там фиксируется не улучшение, а наоборот, ухудшение делового климата.

Поэтому – если считать, что правительство реально занималось дерегулированием, то почему-то люди, которые должны были бы от этого выигрывать, ощущали динамику с точностью до наоборот: что ситуация не улучшается, а ухудшается.

Или давайте посмотрим еще на один опрос, который мне кажется более адекватным, чем Doing Business. Этот – опрос, совместно проводимый Европейским и Мировым банками, называется BEEPS. Я нашел подходящие данные – к сожалению, они напрямую не сопоставимы, поэтому картинка не очень красивая. Но вот данные BEEPS 2008 года и 2012 года. Посмотрите на показатель, который называется «время топ-менеджмента компании, потраченное на общение с государственными органами» В 2008 году российский топ-менеджмент частных компаний тратил 22% своего времени на общение с регуляторами. Хуже было только в Турции. Какой-то прогресс есть – в 2012 году на это уходило 15% их времени. Но все равно, данные в России 2012 года были хуже, чем средние по региону в 2008 году. То есть, России еще идти и идти. Так что, если говорить о реальном дерегулировании, то хотя по Doing Business Россия прошла больше половины пути, в других опросах это совсем не так.

И ещё один слайд из BEEPS, который показывает, где платятся взятки. В 2012 году почти 30% фирм платили взятки для получения разрешений на строительство и . больше 30% в Москве и почти 30% фирм по России вынуждены были платить взятки во внешнеторговых операциях. Это свидетельствует о том, что простор для установки шлагбаума и, соответственно, взимания платы за то, что его поднимут или нет, все еще остается очень широким. При дерегулировании такого не должно быть. Я остановлюсь на этом.

Буклемишев. Спасибо. Андрей Александрович, пожалуйста!

Яковлев. Наверно, в продолжение того, что было сказано сейчас в презентации. Вот про опыт Чили, да? Насколько я помню, у представителей гайдаровской команды как раз этот чилийский авторитарный вариант, чилийский опыт был очень популярен. Почему это не сработало? Это первый вопрос. Может быть, исторический, про то, что было двадцать лет назад.

А второй вопрос – про наше время. Ну хорошо, у нас сейчас рядом, под боком последние тридцать лет есть другой опыт. Китайский. Вот китайский опыт у нас может быть применен или нет? Если да, то почему, и если нет, то тоже почему.

Дребенцов. Начиная с первого вопроса. Не применили опыт Чили, потому что он подразумевал признание неэффективности отечественного управления, то бишь институтов, и отечественного бизнеса. То есть, грубо говоря, страна признала, что у нее плохие институты и плохая экономика, плохой бизнес. Но попыталась с этим что-то сделать, а как это можно было сделать? Наиболее быстрый путь – все же пригласить эффективные иностранные компании. И мне кажется, одна из главных причин, почему в России не применяли чилийскую модель – потому что, в отличие от Южной Кореи и всего, это была модель, основанная на заимствовании иностранного опыта. Есть негативные примеры, можно объяснять, почему это не сработало, но в принципе, не шла Чили там особым путем. Не говорила она, что «у меня такая история, что мы всё сделаем сами». В Чили пустили иностранный капитал. Очень не любили Эй-Ти-энд-Ти, но поручили ей управлять Фондом Чили. А Россия не готова признать, что она в каких-то областях отстает, поэтому ей нужно не только технологии заимствовать, но и менеджеров иностранных.

Что касается второго вопроса...

Яковлев. Китай.

Дребенцов. Да, Китай. На этот вопрос давно ответил Евгений Григорьевич Ясин: «Конечно, можно! Но только китайцев у нас нет». Вы, Андрей, в своих статьях положительно относитесь к китайскому опыту, насколько я понимаю. На уровне региона, да? Потому что там есть комиссар КПК, несущий ответственность за экономические показатели региона наравне с региональным хозяйственным начальством, однако в России такой подход не обязательно сыграл бы такую же положительную роль, как в Китае.

Ведущий. Спасибо, спасибо. Итак, мы переходим к вопросам. Кто желает задать вопросы – поднимите, пожалуйста, руки, и мы сейчас будем собирать вопросы. Пожалуйста, представляйтесь и называйте, кому вы адресуете вопрос. Один вопрос, пожалуйста.

Радченко. Добрый вечер! Татьяна Радченко, Аналитический центр при правительстве, экономический факультет. У меня вопрос к Андрею Александровичу, потому что второй выступающий, в принципе, частично затронул этот вопрос. В частности, с одной стороны, мы наблюдаем декларативную, по крайней мере декларативную политику дерегулирования, но с другой стороны, мы являемся свидетелями огосударствления, увеличения роли государства, как собственника, так и управленца. Собственно, вчерашнее выступление нашего премьера это подтвердило. Он говорил о возврате чиновников в совет директоров госкомпаний. В этой связи у меня такой вопрос – как Вы вообще соотносите политику дерегулирования и политику огосударствления? И, собственно, если выражаться институциональным языком, то есть как Вы оцениваете подмену и замену механизмов управления транзакциями вот с рыночный, собственно, на иерархию? Спасибо.

Буклемишев. Спасибо. Дальше!

Сальников. Владимир Сальников, ЦМАКП. У меня, если можно, один вопрос общий и один к Владимиру Владимировичу.

Буклемишев. Ну хорошо. С Новым годом.

Сальников. Общий вопрос у меня такой – скажем так, хотелось бы что-то услышать о пределах, так сказать, дерегулирования, или об оптимальном уровне дерегулирования и о приоритетах дерегулирования. Ну, или хотя бы о чем-то из этого. И в

частности, например, так как было очень много ссылок на Doing Business, прежде всего, то насколько вот он, например, адекватен в вопросе тех же самых приоритетов дерегулирования и т.д., то есть насколько он в этом смысле полезен, потому что, действительно, может быть, хоть здесь какая-то польза от рейтингов присутствует. Это мой общий вопрос, к обоим докладчикам.

Ну, а частный вопрос – вот вроде бы, Владимир Владимирович, Вы сказали, что * выше цена на нефть – нет дерегулирования, ниже – есть. Но вот мне кажется, что если ниже еще какого-то уровня, то, наверно, и опять нет. Вот насколько линейная здесь зависимость, и где вот эта точка перегиба, так сказать, на каком уровне этой цены на нефть, и какова вероятность того, что нефть достигнет этого предела? Ну, с учетом специфики Вашей работы. Извините за столь, как говорится, большое количество вопросов.

Буклемишев. Спасибо. Так, Павина Валентина!

Павина. Спасибо большое. Павина Валентина, экономический факультет. Вопрос к обоим докладчикам вот какого рода. Как вы оцениваете результаты того дерегулирования, которое мы сейчас наблюдаем в банковской сфере? То есть переход к плавающему курсу – вот классический пример дерегулирования, и результаты налицо. С вашей точки зрения, оценка этого действия, и, соответственно, есть ли шансы ждать чего-либо лучше от такого рода дерегулирования?

Буклемишев. Спасибо.

Муж. Вопрос к помощнику президента. Вот был в 30-е гг. кризис в США, и Рузвельт там со своим бизнесом договорился. И вот президент потянет на Рузвельта сегодня в этом плане? И, конечно, вот США сегодня планируют геополитику свою, ну, геопорядок, а Россию вписали в нее-то? И есть еще желающие оставаться в ней, сколько процентов в правительстве и в бизнесе, а сколько желают из нее вылезти? Спасибо.

Буклемишев. Всё? А, вот тут еще, прошу прощения.

Иванова. Иванова, МГИМО. У меня вопрос к Владимиру Владимировичу. Мне кажется, Вы справедливо говорите о том, что ограничение в доступе прямых иностранных инвестиций, компаний и управляющих, соответственно, ограничивающих возможности заимствования технологического и по опыту зарубежному управления, они ограничивают возможности модернизации. И когда мы смотрим на те компании, которые успешно здесь действуют, действительно, это всё как бы подтверждается, потому что это и на примере многих отраслей, там, где компании здесь есть наши, всё в порядке. Но когда наше руководство ограничивает этот процесс, скажем, по сравнению с Чили, они ведь говорят не об экономической эффективности, а они говорят о том, что мы не запустим в стратегические отрасли, мы не запустим, у нас безопасность, мы не Чили, мы слишком большая страна, мы Россия. То есть вопрос-то мой к вам: в чем логика – что здесь действительно это ограничивается тем, что у нас просто ну совершенно другая страна, другая структура, мы должны иметь другую оборонку, мы по-другому позиционируемся в мире? И, соответственно, однозначно ли мы можем говорить, что всегда привлечение зарубежного капитала в виде прямых инвестиций, или прямых компаний, или западных менеджеров всегда безусловно будет положительно, и они, эти компании, выглядят лучше, чем российские? Я даже не беру РВК, я тут беру чистый частный бизнес. Мне даже кажется, что пример с РВК неудачный, потому что это государственная все-таки компания, ну, или полугосударственная. А когда мы говорим о чисто вот бизнесе – всегда ли это так? Мне кажется, вроде бы да, но, может быть, это не совсем так, и это тоже основание ограничивать? Спасибо.

Буклемишев. Спасибо. Всё или будут ещё вопросы?

Алексей. Алексей *, инвестиционный(?) бизнес. Вопрос, наверно, к Андрею Александровичу. Андрей Александрович, Вы отметили пример юридического сообщества, а как Вы вообще смотрите на возможность дерегулирования в юридической профессиональной юрисдикции, профессиональной ассоциации по многим мнениям,

ассоциация медиков имеет право на какие-то очень важные вопросы. И, соответственно, второй вопрос – извините, так, то есть смежный просто. А почему – ну, очень странно, что юристы, по Вашему мнению, оказываются в позиции, когда они не склонны к дерегулированию. Общее мнение, что во всех странах как раз они – оплот политической либерализации.

Буклемишев. Спасибо. Всё, да? А, вот еще вопрос. Вопросы возникают постепенно.

Дегтярев. Андрей Дегтярев, МГИМО. У меня вопрос к обоим докладчикам. Дергулирование можно ли рассматривать вне вообще, скажем так, проблем хороших практик регуляторики? Не кажется ли вам, что здесь надо вообще шире вопрос поставить, может быть, построить какую-то матрицу, поразмышлять об этих хороших, или best practices в области как регуляторной, так и, соответственно, дерегуляторной политики? Потому что мы исходим либо из того, что регуляторика – это хорошо, либо дерегуляторика – это неплохо. Может быть, стоило бы нам все-таки, не знаю, в паре рассматривать, каким-то матричным путем? Через отраслевые кейсы, через какие-то пропорции уже внутри секторов и т.д. Спасибо.

Буклемишев. Спасибо. Всё, да? Тогда мы приступаем к ответам. Первый Владимир Владимирович сейчас отвечает, а потом Андрей Александрович. Прошу Вас!

Дребенцов. Вопрос первый, о пределах дерегулирования, он немного имеет отношение и к последнему вопросу.

Ну конечно есть. Нет стран, в которых нет регулирования вообще. Речь идет о том, что нужно снизить бремя регулирования до необходимого уровня. Что такое «необходимый уровень»? Это, кстати, правильно заложено в концепции того самого закона о государственном и муниципальном контроле, о котором я упоминал. Там речь идет о риске. Нужно правильно оценивать риски здоровью, ведению бизнеса, экономической безопасности – чему хотите. Вы можете выбрать какие-то критерии, а потом реально оценить, какое действие может нанести этому ущерб, а какое нет.

Проблема России в том, что никакого особенного смысла многие регуляторные нормы не имеют. С точки зрения реального ущерба чему-либо.

2) Есть ли нижний предел для цен на нефть, при котором будет нарушена связь с дерегулированием, интересом, заинтересованностью в дерегулировании, о которой я говорил? Мне почему-то кажется – нет.

Давайте порассуждаем. Что произойдет, если цены на нефть будут очень низкими? Ну перестанет Россия добывать нефть. Во что превратится Россия? Россия превратится в ту страну, которая будет богата не только ресурсами, за которые уже никто не будет готов много платить, а мозгами и чем-нибудь еще. Тогда придется заниматься высвобождением частной инициативы. Но пока никто не хочет. Потому что, если средства жить хорошо есть, то зачем, собственно говоря, стараться проводить реформы?

3) Следующий вопрос – каков результат дерегулирования банковского сектора. Вы знаете, отказ от таргетирования курса и переход к таргетированию инфляции, на мой взгляд, никакого особенного дерегулирования банковского сектора не означает. Регулирование банковского сектора как раз, может быть, одна из областей, где, как раз, риски оценены были неадекватно. Посмотрите, что творится сейчас с некоторыми банками, которые государство вынуждено спасать и тратить триллионы рублей. Ну, в общем, я бы не сказал, что у нас банковский сектор дерегулирован. И в частности, не из-за того, что решили отказаться от таргетирования курса.

4) Вопрос про бизнес и Рузвельта я, честно говоря, не понял. Может ли президент договориться с бизнесом? Ну я же говорю: есть разные способы договориться. Понимаете, вот когда бизнес уже всё отдал и говорит: «Можно я поеду?», а ему говорят: «Ну а как же посидеть на дорожку?» – это один способ договориться. Ну, или, как бизнес сейчас говорит, «да черт с ним, с моими миллиардами, жила бы страна родная» – это другой способ договориться. Нам надо решить, что подразумевается под «договариваться». И

вообще должен ли президент договариваться с бизнесом. В нормальной дерегулированной экономике то, о чём Вы говорите, не нужно.

5) Верно ли, что иностранный капитал всегда политический, и то, что в России иностранных менеджеров не привечают, связано с геополитическим характером? Ну, не знаю. Вот иностранных менеджеров в Китай пускают неизмеримо больше, чем в России. Означает ли это, что у Китая нет геополитических амбиций? Я не уверен. б) Ну, и на последний вопрос, как я сказал – я согласен. Да, не надо рассматривать дерегулирование вне дискуссии о регуляторике, а именно, надо сначала понять, какой разумный уровень регулирования нужен, а потом к нему и стремиться.

Буклемишев. Спасибо.

Яковлев. Первый вопрос, насколько я помню, был с противопоставлением «рынок – иерархия», декларативность дерегулирования на фоне огосударствления.

Знаете, на мой взгляд, здесь есть не то что некоторая подмена, но это немного разные вещи. То есть, грубо говоря, все нынешние разговоры про то, что у нас очень большой госсектор, что надо его приватизировать, и т.д., и т.п. – да, это всё правильно. Вроде бы. Но, понимаете, в условиях, когда у нас нет нормальных механизмов регулирования конфликтов интересов, то частная монополия, аффилированная или сросшаяся с конкретными людьми в госаппарате, она ничуть не лучше, а скорее всего хуже, чем госмонополия.

То есть, на мой взгляд, дело не в масштабах госсектора, а в том числе, например, в степени зарегулированности самого госсектора. Вот у нас одно из направлений исследований в нашем институте – это госзакупки, и мы довольно много в этой связи работаем с госзаказчиками, и на самом деле степень избыточного регулирования в бюджетном секторе – она на самом деле гораздо выше, чем регулирование в частном секторе. В частном секторе хотя бы ОРВ есть, «открытое правительство» хоть что-то делает. А в бюджетном секторе этого ничего нет. И штаты бухгалтеров, финансистов и юристов – они в институтах Академии наук и в университетах скоро уже будут больше, чем число содержательных сотрудников.

Поэтому здесь я бы это не сводил к упрощенным противопоставлениям типа «рынок против иерархии», а говорил бы о необходимости дерегулирования в том числе внутри самого госсектора. И если проводить те же аналогии с Китаем: они свои реформы начинали в конце 1970-х без всякой частной собственности – у них там 15 лет рост шел на базе town-village enterprises, поселковых предприятий, которые представляли собой такой вариант «колхоза в промышленности» и к частной собственности имели отношение очень условное.

Но при этом у них было спускание полномочий вниз - на уровень регионов и общин. И это сработало. В отсутствие судов, в отсутствие частной собственности, в отсутствие рынка. Когда, по сути, они принципы нашего НЭПа в отношениях между государством и крестьянскими хозяйствами реализовали на примере отношений, соответственно, центрального правительства и региональных властей. Когда у них в первые годы реформ бюджет центрального правительства формировался через соглашения с региональными властями о том, сколько они должны отдать в центральный бюджет в будущем году. А всё остальное ваше. И это создавало стимулы, которые обеспечивали развитие. То есть вот я бы просто пытался искать какие-то даже подчас нестандартные решения, которые тем не менее могут работать в наших условиях.

В отношении пределов дерегулирования. Я согласен с тем, что говорилось уже другим выступающим. Есть объективные вещи, связанные с необходимостью регулирования. Допустим, моменты, связанные с безопасностью, - они очевидны. И дело не в том, что регулирование – плохо. Нет. Нужно понимание того, а зачем нужно регулирование, то есть в чем его цели конечные. И уже исходя из этого надо, соответственно, понимать, где вот та мера и тот предел, который необходим.

Из характерных примеров в этом смысле – есть известный чемпион по продвижению в рейтинге Doing Business под названием «Грузия». Которую тот же Всемирный банк пропагандировал везде и всюду. На самом деле это совершенно не мешало, извините, политической коррупции. Когда у них при Саакашвили совершенно спокойно бизнес отнимался. На эту тему была статья одного немецкого коллеги Кристиана Тимма – с детальным обзором конкретных примеров, где было показано движение Грузии при Саакашвили от неолиберальной модели к явному госкапитализму.

Поэтому возвращаясь к Doing Business – это инструмент, мягко говоря, очень условный.

Я, кстати, согласен с тем, что говорил Владимир Владимирович по поводу ВЕЕPS'а. Он действительно дает более корректную картину действительности. Но он сложнее, он имеет меньший охват, а Doing Business было гораздо проще и эффективнее «продавать» - в пиаровском смысле. Опять же, там был рейтинг, который в рамках ВЕЕPS принципиально не делается.

По поводу банковской сферы. Я полностью согласен с тем, что говорил Владимир Владимирович. Это не дерегулирование, это про другое в данном случае.

По поводу профессиональных ассоциаций. Хороший вопрос. Я совершенно согласен с тем, что как раз делегирование полномочий профессиональным ассоциациям и в ряде случаев бизнес-ассоциациям – это вполне возможный подход. И на самом деле в ряде развивающихся стран как раз эффективное взаимодействие государства, правительства с бизнес-ассоциациями создавало определенные механизмы и возможности для экономического развития.

В моем понимании, в 2000-е гг. у нас сектор бизнес-ассоциаций развивался. Это было неровно, там были перепады, в особенности после дела «Юкоса», но в итоге у нас есть сейчас несколько сотен, в общем, более-менее работающих бизнес-ассоциаций. И они могли бы быть базой для диалога с правительством. Но это очень сильно упирается в понимание со стороны власти того, что этот инструмент можно использовать, его нужно использовать и он может работать.

Применительно к более частному вопросу про юристов – на самом деле, вот мы как раз сейчас делаем довольно большой проект по опросу адвокатов и анализу их профессионального сообщества. В этой связи мы смотрели, что происходило в других странах, похожих на нас: в Латинской Америке, на Тайване. Понимаете, специфика юристов в том, что в условиях отсутствия политической конкуренции сама система юридического образования, сама профессия, они заточены на то, что юристы работают на государство. И в этом смысле вот именно в таких странах юристы отнюдь не были носителями либеральных идей. Они скорее были представителями другой стороны, выступали от имени государства и государственных интересов. И мы, похоже, идем по этому же сценарию.

Это не мешает тому, что есть альтернативные варианты и носители альтернативных идей. Например, на Тайване в значительной степени либерализация предопределялась тем, что был довольно развитый бизнес-сектор, который стал предъявлять со своей стороны запрос на юридическое сопровождение самого себя. И возникла альтернатива на юридическом рынке, которая стала формировать в том числе носителей иных взглядов. Но, скорее, не в лице официальных адвокатов, прокуроров и следователей, а, скорее, в лице юристов, работавших в юридических фирмах. Которые работали на потребности бизнеса. И вот оттуда, через конкуренцию на стороне спроса, пошло определенное формирование иных идей, иной идеологии в самом сообществе.

Насколько это возможно у нас? Ну, вот мы пытаемся сейчас посмотреть, пока я сейчас не готов ответить на этот вопрос.

Ведущий. Спасибо. Мы переходим к выступлениям. Пожалуйста, подымите руки те, кто хотел бы выступить. Раз, два, три... Всё? Всё. Ну сколько, минут по пять дадим, да? Давайте по пять минут.

Анатолий Васильевич. * Фонд * Анатолий Васильевич. Судя из выступлений обоих видно, что в нашей этой самой управленческой системе винегрет сплошной. Лебедь, рак и щука. И, естественно, оно делается не просто так, организованно все делается. И в этом плане видно, что сами они, которые сегодня в управленцах *, проблему развития России решить не смогут. И остается, конечно, риторический пока вопрос – а какая сила может сегодня проблемы с нашими управленцами преодолеть? Ведь еще со времен монархии известно, что в России там и дороги, и трали-вали, находящаяся там же эта самая монархия.

Признается, что основной силой на сегодня, в общем, остается тот же самый народ. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И поэтому есть смысл, наверно, этому народу заняться выращиванием в своей среде управленцев. Всех уровней, от государственного, президента, и до главы управы. И нужно общественное движение, чтобы этот самый народ естественным образом подтянуть до уровня понимания ситуации, а здесь как раз * науки, которая, к сожалению, сегодня тоже на уровне этих прикладных задач, судя по вопросам, и совершенно не государственном уровне. И самой науке еще надо тянуться до способности выращивать народ, который сможет стать хозяином по Конституции, на самом деле. Всё, спасибо.

Буклемишев. Спасибо. Дальше! Прошу Вас.

Филиппов. Филиппов Петр Сергеевич, я директор проекта «Уроки девяностых», а в начале 90-х – председатель комитета по приватизации Верховного Совета. Я хотел бы на вопрос Андрея Яковлева, «а почему команда Гайдара?», ответить. Почему команда Гайдара не использовала технологии, или стратегию, Пиночета.

Я напомним, что Гайдар был девять месяцев, всего девять месяцев. А Черномырдина при всем желании вы Пиночетом не назовете. Не тот образ мышления. Кстати говоря, и у Ельцина в середине 90-х гг. тоже не так было.

Но я просто расскажу более молодым участникам собрания, что когда мне лично пришлось проводить закон о приватизации через Верховный Совет, то самое главное, что высказывалось практически всеми фракциями, это «не дать иностранцам разграбить наше отечественное...» Не знаю, как это назвать.

Реплика. Достояние.

Реплика. Добро.

Филиппов. Во всяком случае любые разговоры о том, чтобы «АвтоВАЗ» отдать какой-нибудь «Тойоте», пресекались сразу. Воплем всего зала.

В это время в Чехии национальная гордость, «Шкода», была отдана «Фольксвагену». На сегодня я напомним, что половина всех таксистов Европы ездит на этой машине. Которую, кстати говоря, собирают в Калуге. На машине «Шкода». А мы «АвтоВАЗ» отдали под управление французов двадцать лет спустя. Ну, немножко там получается что-то, но это упущенное время.

Что касается вообще перспектив наших на дерегулирование, на приглашение иностранных фирм и иностранных менеджеров, боюсь, что без жесточайшего кризиса, связанного с падением цен и с откатом на структурные реформы ничего не получится. Нужно дойти до дна, когда поворачиваются в голове какие-то мысли.

Но здесь я обратил бы внимание на одну очень важную вещь, связанную с Китаем. Мы тогда, в начале 90-х гг., это не совсем понимали. Мы рассчитывали, что, передав предприятия в частные руки, мы дадим предприятиям хозяев и они начнут рачительно управлять этими предприятиями. Я был депутатом от 156-го округа Санкт-Петербурга. За

исключением одного предприятия, все остальные были распроданы на металлолом. Только один «Гидроподъемник» сумел выбраться.

Возникает вопрос – почему? Мы проводили соответствующие опросы. Выяснилось, что для модернизации предприятий, для того чтобы эти предприятия могли конкурировать, необходимы были деньги. Необходим был капитал. А вспомните, в условиях той двузначной инфляции, каковы были ставки банковского кредита! Где эти деньги взять? Китайцы выходили из этого просто – они давали предприятия, отдавали предприятия иностранным компаниям, и компании (так же, как и чехи) брали недостающий капитал для реновации своих предприятий, для их реконструкции, брали на западном рынке капитала. Но в России капитала такого не было. Именно поэтому у нас и произошла деиндустриализация.

К великому сожалению, противопоставить этому что-то в условиях цен на нефть, которые там были в районе десяти долларов за баррель, правительство в середине 90-х гг. не могло. Это объективная реальность, это нужно понимать. Ну, чтобы быть справедливым. Спасибо.

Буклемишев. Спасибо, очень важно. Последнее!

Алексей. Спасибо огромное за дискуссию. Хотел бы подчеркнуть различие все-таки между профессиональной юрисдикцией и бизнес-ассоциациями. И, говоря о профессиональной юрисдикции, я хотел бы отметить, что это тот процесс, который проходил все-таки в конце XIX века, когда такие профессии, как медицинская, юридическая, бухгалтера, страховщики формировались и получали права определять нормы, фактически шел аутсорсинг регулирования. И я абсолютно солидарен с тем, что бизнес-ассоциации активно развивались в 90-е, но мне кажется, что профессиональные ассоциации как раз развития не получили. У нас нет ассоциаций, которые могли бы претендовать на получение профессиональной юрисдикции; конечно, это не выступление, а - скорее ремарка. Спасибо большое в любом случае за очень интересные ваши дискуссионные выступления.

Буклемишев. Спасибо. Мы переходим тогда к заключительным комментариям наших уважаемых диспутантов. Андрей Александрович!

Яковлев. В плане реакции на то, что сейчас звучало в виде комментариев. Про профассоциации: я согласен, что профессиональные ассоциации – это другое явление по отношению к бизнес-ассоциациям. Но как раз адвокатское сообщество – оно, может быть, ближе, в силу наличия закона «Об адвокатах», в силу наличия Федеральной палаты адвокатов определенных возможностей саморегулирования.

Там есть интересный феномен, связанный с тем, что адвокатское сообщество в советское время уже было некой корпорацией. Просто в силу того, что советской элите нужны были для некоторых специальных случаев люди, которые были бы способны профессионально решать или урегулировать конфликты и защищать права. В частности, уголовной сфере и в семейной сфере. В итоге статус адвоката в советский период, скажем, в 1980-е гг., был весьма высокий. Это были очень квалифицированные люди, с хорошим образованием, с хорошим заработком.

А в 1990-е гг., точнее, начиная с конца 80-х гг., на волне тогдашнего дерегулирования, на волне исчезновения барьеров входа в профессию появилась возможность создания альтернативных коллегий адвокатов. Они создавались во многом выходцами из силовых структур, бывшими милиционерами. И возникла двойственная ситуация. С одной стороны, был растущий спрос на юристов - поскольку создавались новые законы и в этой связи фирмам нужно было предпринимать определенные действия, нужны были люди, способные выступать в судах, защищать интересы и права. Но одновременно пошел приток в профессию новых людей с другими стандартами и другими этическими нормами – людей, которые были готовы просто выступать посредниками между клиентами и следователями, прокурорами, судьями, включая в том числе передачу взяток.

И уже к концу 1990-х гг. в самом сообществе была осознана необходимость регулирования, сообщество к этому стало подходить. через создание гильдий и различных профессиональных объединений. Но власть, в том числе уже путинская, осознавшая некую опасность такого саморегулирования, попыталась процесс перехватить. И фактически сверху было инициировано создание, с одной стороны, Ассоциации юристов России как такой рамочной структуры, без особых полномочий, но зато с членами №1 и №2 в лице Путина и Медведева. С другой стороны – принятие закона «Об адвокатах» и создание Федеральной палаты адвокатов. То есть, по сути дела, происходило насаждение сверху неких рамок...

Реплика. Саморегулирования.

Яковлев. Да, так сказать, принудительное саморегулирование. С обязательным членством в этих палатах. Но вся эта новая ситуация наложилась на высокую неоднородность профессионального сообщества адвокатов, когда там одновременно были действительно честные адвокаты, пытающиеся защищать права своих клиентов. И там же были люди, которые выступают посредниками, которые просто носят деньги от клиента к следователю, от клиента к судье. И все они – члены одного сообщества. И вот, пожалуйста, саморегулируйтесь.

Но что любопытно? Сам факт создания Федеральной палаты, где есть выборы, где есть Советы адвокатских региональных палат, есть определенные формальные процедуры и есть необходимость определенных коллективных действий, запустил процесс самоотбора. Вот совсем коррумпированным людям, работающим в тесной связке с коррумпированными правоохранителями – им это все было не надо. Как правило, они не ходят на эти выборы и не входят в советы палат. В итоге в советы палат скорее попадают иные люди. Да, им нужно проявлять политическую лояльность. За этим там следят, в общем и целом. Вплоть до лишения статуса адвоката у тех, кто слишком рьян – по инициативе прокуроров и следователей. Но одновременно у Советов палат есть определенные возможности. И более того по своему мандату в своем качестве представителей адвокатского сообщества они должны проявлять активность, направленную на развитие профессии.

То есть само возникновение формальной рамки, формальной организации с законными полномочиями расширяет возможности для кооперации между добросовестными представителями профессионального сообщества. И вот сейчас мы вместе с коллегами из Института проблем правоприменения в Петербурге в рамках нашего текущего проекта пытаемся понять, насколько это появление формальной рамки при наличии очень неоднородного сообщества может приводить к позитивным эффектам в плане формирования профессиональных стандартов и восстановления этических норм.

Это была такая развернутая реакция, но, на мой взгляд, сказанное может быть важно и для других сфер, потому что в том же бизнесе, к сожалению, есть люди, которые вчёрную уходят от налогов или прямо воруют. Это тоже часть российского бизнес-сообщества. Но надо жить там, где мы живем.

Возвращаясь к сюжету про комментарий Петра Филиппова про приватизацию. Я тоже жил в то время и хорошо его помню, и в общем согласен с тем, что вариантов для чилийского сценария в России было не сильно много.

Реплика. Мало.

Яковлев. Да, мало, согласен. Безусловно, были амбиции у нашей элиты, которая считала себя элитой великой страны. У чилийцев был другой опыт. К тому моменту времени Чили уже прошла через довольно долгую и сложную историю развития рыночной экономики, был опыт жизни в условиях демократии. Да, потом была диктатура, но у этой диктатуры была довольно сильная оппозиция. Чего у нас в принципе не было.

Но на мой взгляд, неслучайно то, что сейчас это всё вспоминается. Потому что как раз сейчас, в нынешней ситуации мы, может быть, гораздо ближе к Чили образца 1970-80х годов, когда мы прошли уже через много чего разного, и уже есть социальные группы, которые могли бы быть носителями других подходов и могли бы выступать социальной базой для других сценариев. Чего, к сожалению, совсем не было в начале 1990-х.

Ведущий. Спасибо.

Дребенцов. Я, наверно, остановлюсь только на двух моментах взаимосвязанных. Это то, что касается государственной собственности, соотношения государственной и частной собственности в экономике, и то, что является желательным конечным итогом и дерегулирования, и изменения нынешнего соотношения между государственной и частной собственностью в российской экономике. Называется это «конкуренция». Об этом сегодня говорилось.

Конечно, частная монополия часто не лучше государственной, но, если мы говорим о нормальных пределах регулирования, то регулирование антимонопольное – это неотъемлемая часть нормальной, эффективной экономики. Начиная с упоминавшихся здесь примеров Соединенных Штатов Америки и кончая всеми другими странами. В том числе Китаем. В чем у нас негативные последствия как государственной собственности, так и излишнего регулирования? И то, и другое ставит пределы конкуренции; и то, и другое приводит к тому, что неэффективные фирмы могут оказаться более успешными, чем эффективные. Это показывали и ваши старые обследования внутри одних и тех же секторов, и это до сих пор остается проблемой российской экономики. Иностраный капитал может составить конкуренцию крупной государственной и частной монополии. Но когда у вас есть государственные монополии и вы еще иностранный капитал стараетесь как можно больше ограничить – нет у вас конкуренции. Поэтому считать, что экономика может и станет повышать свою эффективность, особых причин нет.

Яковлев. Там третий был замминистра Фомичёв, так что, в общем, там всё нормально было с пивом.

Дребенцов. Нужно конкуренцию внедрять. Ведь если, опять же, говорить о разнице между Россией и Чили, надо не бояться конкуренции не только в частном бизнесе, но и в предоставлении государственных услуг. В чем была причина успеха новой модели помощи экспорту в Чили? Чили пошло на конкуренцию в предоставлении государственных услуг. Те, кто являлся агентами государства, были вынуждены конкурировать между собой. Частный бизнес, а не государство, решал, кого он будет использовать. Дали частному бизнесу сделать выбор в пользу более эффективного, конкурентоспособного агента государственных услуг, а старые отмерли сами. Вот этого в России нет. Поэтому и конкуренции не хватает, а регулирования слишком много.

Буклемишев. Спасибо большое. Разрешите мне от вашего имени поблагодарить наших коллег, которые, по-моему, очень интересно всё нам рассказали, и, честно говоря, я еле удерживался, чтобы не вмешаться в каких-то моментах, но не могу.

Большое всем спасибо! Следующая встреча у нас состоится 19 февраля, как обычно. Ждем вас. Объявим дополнительно о теме, которая будет. Надеемся, что всем будет интересно. Спасибо!